

misterium

misterium

**ДЖОН
КОННОЛЛИ**

ЧЕРНЫЙ АНГЕЛ

ЭКСМО
Москва
2014

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
К 64

Перевод с английского *Александра Шабрина*

John Connolly
BLACK ANGEL

Copyright © John Connolly, 2002.

This edition published by arrangement with Darley Anderson
Literary, TV & Film Agency and The Van Lear Agency

Коннолли, Джон.

К 64 Черный ангел / Джон Коннолли ; [пер. с англ.
А. Шабрина]. — Москва : Эксмо, 2014. — 640 с.

ISBN 978-5-699-73011-7

Жизнь нещадно била частного детектива Чарли Паркера, отняв у него практически всех, кого он любил. Со временем круговорот событий вокруг него стих, Паркер обрел новую семью и уже начал думать, что все неприятности позади. Но когда к Чарли обратился за помощью близкий друг, сообщив, что его сестра, молодая девушка, бесследно исчезла на улицах Нью-Йорка, детектив попросту не смог остаться в стороне. Расследование привело его к ужасному открытию. Оказывается, по земле бродят странные и страшные люди, являющиеся вместилищем абсолютного, первородного зла. Они исповедуют жуткие культы смерти, а их божество — таинственный Черный ангел. Более того, Паркер узнает, что эти мистерии каким-то образом связаны с ним самим...

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Шабрин А. С., перевод на русский язык, 2012

© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-73011-7

*Сью Флетчер,
с любовью и благодарностью*

Часть I

Никто не может ведать истоков
Зла, доколе не познал истины о так
называемом Дьяволе и ангелах его.

Ориген (186 – 255 н.э.)

Пролог

И пали мятежные ангелы, объятые пламенем.

И пока они снижались, стремглав низвергаясь все дальше в пустоту, были они прокляты подобно тем, кто в единый миг ослеп, ибо как мучительна тьма для тех, кто знал свет, так и отсутствие милости невыразимо острее чувствуется теми, кто некогда был овеян ее теплом и благодатью. И кричали те ангелы в муке, и горение их впервые озарило тени, доселе непроницаемые. А тот из них, что ниже всех, съежился опасливо в глубинах, и там они содеяли свой мир, в котором им обретаться.

А когда падал последний ангел, то возвел он взгляд к небесам и узрел то, чего он отныне лишен на веки вечные, и виденье это было столь ужасно, что выжгло у него в глазах. И прежде чем небесная высь сомкнулась, дано ему было увидеть, как лик Господа исчезает среди хмурых туч, и красота и печаль этого образа навеки запечатлелись в его памяти и в глазах его. И проклят он был скитаться вечно как изгнанник, отверженный даже своими сородичами, ибо что могло быть для них мучительней, чем всякий раз при взгляде на него различать, как в глазах его,

в самой черноте зрачков, тайным отблеском мерцает облик Бога?

И так одинок он был, что разодрал себя надвое, дабы иметь себе спутника в своем нескончаемом изгнании, и вместе эти его двуединые части бродили по земле, едва успевшей народиться. Со временем примкнула к ним горстка падших, истомившихся укрываться в непроглядно унылом царстве, ими же содеянном. Ибо, в конце концов, что есть ад, как не вечное отсутствие Бога? Изнывать в аду — значит быть навсегда отвергнутым от обетования надежды, искупления, любви. Для тех, кто отвергнут, ад не имеет ни частей света, ни расстояний или места на карте.

Но в конце концов устали те ангелы бесприютно блуждать по свету, без выхода своей ярости и своему отчаянию. И изыскали они себе глубокое темное место для сна, и затаились там в ожидании. А спустя многие, многие годы были прорыты штольни, и освещены в них сводчатые проходы, а самые глубокие и большие из тех подземных полостей оказались среди божеских серебряных рудников Кутне-Горе, и название им было Канк.

И говорят, что когда тот рудник оказался вычерпан во всю свою глубину, то фонари рудокопов заморгали, будто потревоженные ветром, там, где никакого ветра не может и быть, и стало слышно великое воздыхание, как будто некие измученные души отрешались от своего векового бремени. Поднялось смрадное горение, а своды проходов в одночасье рухнули, погребая и убивая всех, кто под ними. Смерч сажной грязи пронесся по всему руднику, душа и ослепляя всех, кто попадался ему на пути. Те, кто выжил, рассказывали потом о голосах средь

бездны и о биении крыл в облачной гуще. Из недр смерч поднялся в главный шурф и взметнулся от туда в ночное небо, а те, кто видел это, углядели в его сердцевине багровость, как будто там что-то пламенело.

И тогда мятежные ангелы приняли обличие людей и принялись созидать царство, которым могли бы украдкой править через извращенную волю других. Вели их в этом два демона, самые великие из числа их, Черные Ангелы. Первый, по имени Ашмаэль, окунулся в пламень битвы и злошептал пустые обещания славы в уши честолюбивых правителей. Другой, по имени Иммаэль, пошел войною на Церковь и ее первосвященников, земных наместников Того, кто низвергнул его брата. Он восславил себя огнем и насилием, и тень его пала на многие пограбленные монастыри и сожженные храмы. И каждая половина тех двуединых сущностей носила белым пятнышком в глазу отметину Бога — Ашмаэль в правом, а Иммаэль в левом.

Но в спеси и гнев своем Иммаэль допустил, чтобы наружу на миг проглянула его истинная, ущербная форма. На бой с ним, не убоившись, встал монах-цистерцианец по имени Эрдрик из Седлецкого монастыря, и сражались они в литейне над огромными чанами расплавленного серебра. Вышло так, что в уязвимый момент преобразования из человеческого обличия в Иного Иммаэль оказался свержен в пылающую руду. Эрдрик молитвенно воззвал к металлу, чтобы тот остывал как можно медленней, и скованный отовсюду серебром Иммаэль, как ни бился, так и не смог вырваться из этого чистейшего из узилищ.

Ашмаэль же, восчувствовав боль своего брата, отправился на его поиски, дабы вызволить, но монахи

надежно спрятали Иммаэля от тех, кто попытается освободить его из заточения. Однако разыскивать своего брата Ашмаэль так и не перестал, а со временем в том поиске к нему примкнули те, кто был близок к нему по духу или совращен его посулами. Себя они метили, чтобы быть узнаваемы друг другом, и меткою их был разлапистый багор, ибо, по заповеди, он был первым орудием падших ангелов.

И звали они себя «поборниками».

Глава 1

Женщина, крепко держась за поручень, осмотрительно сошла с автобуса «Грейхаунд». Вздох облегчения сорвался с ее губ не раньше, чем обе ноги оказались на ровной поверхности — такое облегчение она испытывала всякий раз, когда позади оставалось какое-нибудь несложное, но при этом благополучно выполненное задание. Старой она не была — всего на шестом десятке, — но выглядела и ощущала себя гораздо старше. Она успела многое вынести и пережить, и скопленные за жизнь невзгоды исподволь усиливали муторность прожитых лет. В волосах у нее щедро серебрилась седина, но женщина уже давно прекратила свои некогда ежемесячные походы в парикмахерскую, чтобы подкрасить волосы. От уголков глаз зажившими шрамами шли горизонтальные морщины, параллельно с такими же на лбу. Как она их нажила, для нее не было секретом: временами, случайно поймав свое отражение в какой-нибудь магазинной витрине, она ловила себя на том, что морщится как от боли, а с насильственным

изменением мимики те морщины лишь углублялись. Мысли, как и воспоминания, постепенно вызвавшие в ней эту перемену, были всегда одни и те же, и вспоминались ей в основном одни и те же лица: мальчик, теперь уже мужчина; родная дочь в том возрасте, в каком была когда-то она, и чью участь вполне могла повторить; ну и, понятно, он — тот, из-за кого мать с девочкой перестали меж собой ладить. Иногда его лицо представляло несколько искаженным, как в момент зачатия ее дочери, а временами — сбитым на сторону и изорванным, как перед тем, когда на него опустилась крышка гроба, наконец-то стирая его физическое присутствие с этого света.

Ничто, уяснила она, не старит женщину так, как непокорное дитя. Последние год-два она стала подвержена гадким происшествиям, что отягчали жизнь женщинам на два-три десятка лет старше ее, и оправлялась от них на порядок дольше, чем раньше. Это были мелочи, которых теперь приходилось бдительно стеречься: неучтенные бордюры, пропущенные трещины в тротуаре, внезапный толчок автобуса в момент подъема с сиденья; вода, по рассеянности расплеснутая на кухонном полу. Этих вещей она опасалась больше, чем молодых людей, что стаями собирались на стоянке стрип-молла возле ее дома и высматривали кого-нибудь себе по силам; того, кого считали легкой добычей. Она знала, что одной из их жертв никогда не станет, так как ее они боялись больше любой полиции или кого-нибудь из своих более сильных и безжалостных сверстников — поскольку знали о человеке, неизменно стоящем в затенении ее жизни. Какой-то своей частью она ненавидела то, что они ее страшатся, пусть даже мысль о защищенности ей невольно импонировала. Защи-

ценность эта далась нелегко; за нее было заплачено, можно сказать, потерей души.

Иногда она за него молилась. В то время как остальная паства, сотрясаясь телесами, враскачку завывала перед проповедником «аллилуйя!», она лишь принимала подбородком к груди и тихо взывала. Когда-то давно, в прошлом, она молила Бога, чтобы ее племянник возвратился в лоно Его сияющей благодати и избрал путь к спасению, лежащему исключительно в отказе от несправедного попрания насилия. Теперь чудес она уже не ждала. Вместо этого при мысли о племяннике она просила Бога, чтобы, когда заблудшая сия овца предстанет перед Ним на Вечном Суде, Он во всепрощении своем явил бы милость и простил ему его прегрешения; чтобы при пристальном взгляде на прожитую им жизнь Он все же отыскал бы в ней некоторые, уж какие ни на есть, благие проявления и даровал этому грешнику свое спасительное снисхождение.

Но может статься, там значатся и такие жизни, искупить которые невозможно, и грехи столь тяжкие, что прощения им нет. По словам проповедника, Господь всемилостив, но только в том случае, если грешник в самом деле признает свою вину и ищет другой путь. А если это так, то есть опасение, что все ее молитвы и упования тщетны, а племянник ее проклят на веки вечные.

Она показала свой билет человеку, занятому разгрузкой багажа из автобуса. Грузчик был с ней груб и бесцеремонен, хотя и с остальными он, похоже, вел себя точно так же. На границе света от автобусных окон настороженно перетаптывались молодые мужчины и женщины, словно дикие животные, у которых огонь вызывает безотчетный страх, но вместе с

тем вызывают аппетит те, кто находится в круге его тепла. Плотно прижав к груди сумочку, чемодан она ухватила за ручку и под мелкий рокот его колесиков двинулась в сторону эскалатора. При этом она цепко оглядывала близ идущих и близстоящих, четко помня наставления соседей по дому.

Предложений помочь не принимай. Не будь растяпой, не разговаривай с желающими по доброте сердечной помочь даме донести сумку — неважно, насколько прилично тот или иной хлыщ одет и как сладко он поет...

Однако помочь никто и не желал, и она без происшествий спустилась на суетливо-людные улицы этого чужого города, столь же чуждого ей, как какой-нибудь Рим или Каир — грязный, запруженный, не прощающий ротозейства. На бумажке у нее был нацарапан адрес вместе с наставлениями, как добратся, кое-как выжатыми по телефону из гостиничного постояльца, в голосе которого сквозило нетерпение, когда он по ее просьбе вынужденно повторял адрес и название гостиницы, малоразборчивые сквозь его густой эмигрантский акцент.

Она пешком пошла по улицам, волоча за собой чемодан и тщательно отмечая номера на перекрестках, чтобы делать как можно меньше поворотов, и так добрела до большого здания полиции. Здесь она прождала с час, пока наконец навстречу ей не вышел для разговора полицейский. При нем была тоненькая папочка, но добавить помимо того, что он уже и так слышал по телефону, женщине было нечего, а он мог лишь сказать, что они делают все от них зависящее. Тем не менее она заполнила еще какие-то бумаги в утлой надежде, что какая-нибудь мелкая упомянутая ею деталь даст им какую-нибудь

зацепку, которая выведет их к ее дочери. Погодя она отошла от здания и жестом остановила такси. Через дырочку в плексигласовом экране просунула бумажку с адресом гостиницы, спросив заодно, сколько будет стоить дотуда проезд, на что шофер-азиат лишь сердито пожал плечами. Вид листка с каракулями удовольствия у него не вызывал.

— Откуда я знаю: вон движение какое, — махнул он вместо ответа на ползучий поток легковых, грузовиков и автобусов.

Раздраженно перекликались клаксоны, сердито перекрикивались меж собой водители. Во всем сквозило гневливое, на отчаянии замешенное нетерпение, клубясь под сенью непомерно огромных зданий, вне всякого масштаба с теми, кому приходится жить в них и работать, снаружи и внутри. Непонятно даже, как кто-то по своей воле может оставаться и вести житье-бытье в таком суетном месте.

— Думаю, двадцатка, — запоздало ответил на ее вопрос таксист.

Надо же, двадцатка. А хотелось бы, чтобы меньше. Двадцатка — это ужас сколько, а ведь еще неизвестно, сколько здесь придется проторчать. Номер в гостинице она забронировала на три дня, и после этого денег оставалось еще на три, если экономить на еде и освоить премудрости метро. Про метро она читала, но видеть воочию никогда не видела и не знала, как оно устроено. Единственно, что она знала наверняка, это что спускаться под землю, в темень, ей против души, а разъезжать всюду на такси не по карману. Автобусы еще куда ни шло. Они хоть и ползут в этом городище как черепахи, но хотя бы над землей.

Он, стоит ей его разыскать, станет, конечно же, предлагать ей деньги, но она наотрез откажется, как

отказывалась всегда, исправно отсылая назад чеки, которые он присылал на единственный тетин адрес, которым располагал. Его деньги были запятнаны, как и он сам. Но сейчас ей требовалась его помощь — не деньгами, нет: знанием. Что-то ужасное случилось с ее дочерью — в этом она была убеждена, хотя сама не могла объяснить, откуда у нее эта уверенность.

Элис, о Элис, ну зачем ты приехала в это место?

У нее самой мать была благословлена — или же, наоборот, проклята — тем самым даром. Ей было ведомо, кто и когда испытывает страдание, и она с тонкостью чувствовала, если с кем-нибудь из тех, кто ей дорог, происходило что-нибудь нехорошее. С ней разговаривали мертвые. Они говорили ей про разное. Жизнь матери была полна шептаний. Дар ее по наследству не передался, и женщина была благодарна за это, хотя временами тревожно вслушивалась, не передался ли ей все же какой-нибудь малозначительный след, буквально искорка великого дара, обитавшего в ее матери. Или, быть может, все матери, как проклятьем, мечены способностью чувствовать потаенные страдания своих детей, даже когда сами дети находятся далеко-далеко. Единственно, что можно сказать с уверенностью, это что она с недавних пор не знала ни секунды покоя и что в минуты мимолетного, зыбкого сна до нее доносился взывающий дочерин голос.

Это она и собиралась сказать ему при встрече в надежде, что он поймет. А если и не поймет, то все равно поможет (это она знала наверняка), ведь ее девочка ему родная кровь.

Уж что, а кровь-то он должен понимать.